

Jack
LONDON
1876–1916

Джек
ЛОНДОН

Железная пята

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л 76

Перевод с английского Р. Гальпериной

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Пожидаева-мл.

© Р. Гальперина (наследник), перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15321-9

Земной Театр! Нам стыд и горе —
Картин знакомых карусель...
Но потерпи, узнаешь вскоре
Безумной Драмы смысл и цель!

Глава первая МОЙ ОРЕЛ

Легкий летний ветерок шелестит в могучих секвойях, шаловливая Дикарка неумолчно журчит между мшистых камней. В ярких лучах солнца мелькают бабочки; воздух напоен дремотным гудением пчел. Тишина и спокойствие вокруг, и только меня гнетут думы, гложет тревога. Безмятежная тишина надрывает мне душу. Как она обманчива! Все притаилось и молчит, но это — затишье перед грозой. Я напрягаю слух и всем существом ловлю ее приближение. Только б она не разразилась слишком рано. Горе, горе, если она разразится слишком рано!¹

У меня немало причин для тревоги. Мысли, неотвязные мысли не покидают меня. Я так долго жила кипучей, деятельной жизнью, что тишина

¹ Второе восстание было в значительной степени делом рук Эрнеста Эвергарда, хотя он, конечно, готовил его в тесном контакте с европейскими лидерами. Сам Эвергард был схвачен и тайно казнен весной 1932 года. Однако восстание было так тщательно подготовлено, что товарищам удалось полностью осуществить его планы, избежав растерянности и промедления. Эвис Эвергард после казни мужа уединилась в Уэйк-Робинлodge, небольшой усадьбе в Калифорнии, в Сономских горах.

и покой кажутся мне тяжким сном и я не могу забыть о том яростном шквале смерти и разрушения, который вот-вот пролетит над миром. В моих ушах звенят вопли поверженных, а перед глазами все те же призраки прошлого¹. Я вижу поруганную, истерзанную человеческую плоть, вижу, как насилие исторгает душу из прекрасного, гордого тела, чтобы в злобном неистовстве швырнуть ее к престолу Творца. Так мы, люди, через кровь и разрушение идем к своей цели, стремясь навсегда устроить мир и радость на земле.

И одиночество... Когда я не думаю о том, что будет, мысли мои обращаются к тому, что было и не возвратится вновь, — к тебе, мой орел, парящий на мощных крыльях, устремленный ввысь, к солнцу, ибо солнцем был для тебя светлый идеал свободы. Я не в силах сидеть и ждать сложа руки прихода великих событий, которые вызваны к жизни моим мужем, хоть ему и не суждено было увидеть их рождение. Он отдал нашему делу свои лучшие годы и умер за него. Это плоды его трудов, его создание².

Итак, эти томительные дни я хочу посвятить воспоминаниям о моем муже. Есть многое, о чем из всех живущих могу рассказать лишь я одна, а ведь о таком человеке, как Эрнест, сколько ни рас-

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду умирение Чикагского восстания.

² При всем уважении к Эвис Эвергард мы должны отметить, что муж ее был только одним из многих талантливых руководителей, подготовивших Второе восстание. Теперь, спустя много столетий, можно сказать с уверенностью, что, если бы Эвергард остался жив, это бы нисколько не изменило трагической развязки.

сказывай, все мало. В Эрнесте жила великая душа, и, когда в моей любви умолкает все личное, я больше всего скорблю при мысли, что его не будет здесь завтра, чтобы встретить зарю нового дня. В том, что мы победим, не может быть сомнений. Он строил так прочно, так надежно, что здание устоит. Смерть Железной пяте! Близок день, когда поверженный человек поднимет голову. Как только эта весть разнесется по всему миру, повсюду восстанут армии труда. Свершится то, чего еще не знала история. Солидарность рабочих обеспечена, а это значит, что международная революция впервые развернется во всю свою необъятную ширь¹.

Как видите, я вся во власти надвигающихся событий. Я жила этим день и ночь — так долго, что ни о чем другом не в силах думать. А тем более, говоря о моем муже, могу ли я не говорить о его деле! Он был душой этого великого начинания, и для меня они нераздельны.

Как я уже сказала, есть многое, что только я одна могу рассказать об Эрнесте. Все знают, что он, не щадя себя, работал для революции и немало перенес. Но как он работал и сколько перенес,

¹ Второе восстание действительно приобрело международный характер. Это был поистине грандиозный замысел, и уже потому трудно считать его созданием одного человека. Организованные рабочие всех олигархий готовы были подняться по первому сигналу. Германия, Италия, Франция и вся Австралазия — в то время государства рабочих с социалистическими правительствами — обещали революции свою помощь, и они действительно оказали ее, поэтому разгром Второго восстания стал также и их разгромом. Их правительства были низложены, и объединившиеся олигархии навязали им олигархический строй.

знаю я одна. Двадцать грозных лет мы были с ним неразлучны, и мне больше, чем кому-либо, известно его терпение, его неистощимая энергия и безграничная преданность делу революции, за которое он два месяца назад сложил голову.

Постараюсь просто и по порядку рассказать, как Эрнест вошел в мою жизнь, — о нашей первой встрече, о том, как он постепенно овладел моей душой и перевернул весь мой мир. И тогда вы увидите его моими глазами, узнаете таким, каким знала я, — кроме самого заветного и дорогого, что слова бессильны передать.

Мы познакомились в феврале 1912 года, когда Эвергард по приглашению моего отца¹ явился к нам, в наш особняк в городе Беркли, на званый обед. Не могу сказать, чтоб он понравился мне с первого взгляда, — скорее наоборот. В гостиной, где собралось все общество, Эрнест производил странное, чтобы не сказать дикое, впечатление. Среди почтенных служителей церкви на этом обеде, который отец шутил назвал «синедрионом», Эвергард казался человеком с другой планеты.

¹ Джон Каннингхем, отец Эвис Эвергард, был профессором Калифорнийского университета в городе Беркли. С преподаванием физики он совмещал исследовательскую работу, которая принесла ему широкую известность. Выдающимся вкладом в науку явились его изыскания в области природы электрона, а также капитальный труд «Тождество материи и энергии», где было незыблемо и на все времена установлено, что элементарная единица материи и элементарная единица энергии тождественны. Положение это до профессора Каннингхема выдвигалось сэром Оливером Лоджем и другими исследователями радиоактивности, но лишь на правах гипотезы.

Прежде всего, одет он был ужасно. Костюм из дешевого темного сукна, купленный в магазине готового платья, сидел на нем убийственно. Да Эрнесту, при его сложении, и нельзя было покупать ничего готового. Его богатырские мускулы выпирали из-под жиденького сукна, на атлетических плечах набегали складки. Глядя на его шею, массивную и мускулистую, как у профессионального боксера¹, я невольно подумала: так вот оно, последнее увлечение папы — философ-социолог, в недавнем прошлом кузнечный подмастерье. Он и сейчас напоминает кузнеца — достаточно взглянуть на эти мускулы и бычий загривок; должно быть, из этих самородков, «Слепой Том»² рабочего класса.

А его рукопожатие! Оно было крепким и властным, и взгляд его черных глаз слишком пытливо, как мне показалось, задержался на моем лице. Так рассуждала я, дитя своей среды, девушка с классовыми предрассудками. Человеку моего круга я не простила бы такой смелости. Помню, я невольно опустила глаза и с чувством облегчения поспешила навстречу епископу Морхаузу, нашему старому другу, — это был обаятельный человек средних лет, лицом и кротким нравом напоминавший Христа, к тому же очень начитанный и образованный.

¹ В те времена на спорт смотрели как на средство наживы. Противники избивали друг друга в кулачных поединках, и боксер, убивший товарища или исколотивший его до полусмерти, получал за это кучу денег.

² Намек не ясен. Возможно, имеется в виду слепой от рождения негр-музыкант, концерты которого во второй половине XIX века пользовались огромным успехом.

Между тем оскорбившая меня смелость составляла, пожалуй, основную черту Эрнеста Эвергарда. Человек прямой и открытой души, он ничего не боялся и презирал условности. «Ты мне понравилась, — объяснял он мне впоследствии. — Разве не естественно смотреть на то, что нравится?»

Как я уже говорила, Эрнест ничего не боялся. Это был аристократ по натуре, несмотря на свою принадлежность к совершенно противоположному общественному лагерю. Ницше¹ узнал бы в нем своего сверхчеловека, или, как он выражался, «белокурую бестию», — с той существенной разницей, что Эрнест отдал сердце демократии.

Занятая гостями, я и думать забыла о неприятном философе из рабочих, но, когда мы сели за стол, мое внимание раз-другой привлекли искорки смеха в его глазах, очевидно вызванные беседой их преподобий. «Он не лишен юмора», — подумала я и почти простила гостю его нескладный костюм. Но время шло, обед близился к концу, а Эвергард так и не сказал ничего в ответ на бесконечные речи священников о церкви и рабочем классе, о том, что церковь сделала и что она собирается сделать для блага рабочих. Я заметила, что папа огорчен упорным молчанием своего протеже. Воспользовавшись небольшой заминкой в разговоре, он прямо обратился к Эрнесту и предложил

¹ Фридрих Ницше жил в XIX веке христианской эры. Бесноватый философ, который в минуты прозрения видел причудливые отблески истины, но, обойдя весь положенный круг человеческой мысли, дофилософствовался до полного безумия.

ему высказать свои соображения. Тот только пожал плечами и равнодушно бросил: «У меня нет никаких соображений», — после чего с удвоенным усердием занялся соленым миндалем.

Но от папы не так-то легко было отделаться. Немного погодя он заявил:

— Среди нас присутствует представитель рабочего класса. Не сомневаюсь, что мы можем услышать от него много нового и поучительного. Попросим же мистера Эвергарда высказаться.

Все любезно поддержали это предложение. Их преподобия с таким снисходительным видом приготовились слушать молодого оратора, что только-только не хлопали его по плечу. Я заметила, что Эрнест это чувствует и потешается в душе. Он медленно обвел глазами весь стол, и я опять уловила в них искорки смеха.

— Я не искушен в учтивостях церковных словопрений, — начал он и замялся, по-видимому борясь с робостью и смущением.

— Просим, просим! — раздалось со всех сторон, а доктор Гаммерфилд сказал:

— Мы приветствуем слово истины, от кого бы оно ни исходило. — И прибавил: — Если оно сказано от чистого сердца.

— Так, по-вашему, истина может исходить и не от чистого сердца? — усмехнулся Эрнест.

Доктор Гаммерфилд оторопел, однако вышел из положения:

— Даже лучшие из нас ошибаются, молодой человек, даже лучшие...

Тон Эрнеста мгновенно изменился. Сейчас это был совсем другой человек.

— Отлично, — сказал он резко. — Тогда начну с того, что все вы жестоко ошибаетесь. Никто из вас понятия не имеет о рабочем классе. Мало того, вы на него клеветеете. Ваша социология так же порочна и бесплодна, как и весь ваш метод мышления.

Поражали не столько слова, сколько тон, каким они были сказаны. При звуках этого голоса я встрепенулась. В нем было столько же смелости, сколько и во взгляде Эрнеста. Он звучал как призывный горн и отозвался во мне глубоким волнением. Да и все за столом оживились. Безразличие и сонливость как рукой сняло.

— В чем же, молодой человек, выражается бесплодность и вопиющая порочность нашего метода мышления? — вскинулся Гаммерфилд; ни в его голосе, ни в тоне не осталось и следа прежнего добродушия.

— Вы, господа, метафизики! С помощью метафизики вы можете доказать все, что вашей душе угодно. А доказав, вывести черным по белому, что все остальные метафизики ошибаются, после чего вам останется только почить на лаврах. В сфере мысли вы совершеннейшие анархисты. Вы рехнувшиеся изобретатели космогонических систем. Каждый из вас обитает в собственной вселенной, оборудованной по его собственному вкусу и разумению. Вы плохо представляете себе окружающий мир, вашим измышлениям нет места в реальном мире, разве что в качестве примера умственной аберрации.

Знаете ли вы, о чем я думал, сидя за этим столом и слушая ваши бесконечные разговоры? Вы мне напомнили средневековых схоластов, которые самым серьезным образом исследовали и обсуждали животрепещущий вопрос о том, сколько ангелов может уместиться на острие иглы. Вы, дражайшие сэры, так же далеки от интеллектуальной жизни двадцатого столетия, как индеец-шаман, десять тысяч лет назад творивший заклинания в глуши девственного леса.

Казалось, Эрнест охвачен негодованием. Лицо его пылало, глаза метали молнии, в губах и подбородке чувствовалась сосредоточенная ярость. Но такова была его манера спорить — он старался разжечь противника, вывести его из себя. Его размашистые, разящие удары, сокрушительные, как удары кузнечного молота, лишали собеседника самообладания. Это и случилось с нашими гостями. Епископ Морхауз наклонился вперед и ловил каждое слово Эрнеста. Лицо доктора Гаммерфилда побагровело от возмущения и гнева. Возмущение овладело всеми, хотя кое-кто улыбался иронически, с видом насмешливого превосходства. Что касается меня, то я наслаждалась общим смятением. Искося поглядывая на отца, я видела, что он от души радуется действию бомбы, которая его стараниями попала в нашу столовую.

— Вы выражаетесь крайне туманно, — прервал оратора доктор Гаммерфилд. — Что, собственно, вы хотите сказать, называя нас метафизиками?

— Я называю вас метафизиками потому, что вы рассуждаете, как метафизики, — отвечал Эрнест. —

Весь ход ваших рассуждений противоречит научному мышлению. Ваши выводы взяты с потолка. Вы можете доказать все, что вам угодно, и это совершенно впустую, так как каждый из вас всегда остается при особом мнении. Вы ищете объяснения вселенной и самих себя в собственном сознании. Но скорее вы оторветесь от земли, ухватив себя за уши, чем объясните сознание сознанием.

— Я не совсем понимаю, — отозвался епископ Морхауз. — Ведь если говорить о явлениях духовного мира, то все они относятся к области метафизики. Самая точная и убедительная из наук — математика — тоже чистейшая метафизика. Мысль ученого всегда воспаряет в метафизику. С этим-то вы согласны?

— Я согласен, что вы не понимаете, как сами вы сказали, — возразил Эрнест. — Метафизик в своих рассуждениях пользуется дедуктивным методом, он исходит из ложных предпосылок. Ученый же пользуется индуктивным методом, он исходит из данных опыта. Метафизик от теории идет к фактам, ученый от фактов — к теории. Метафизик, отправляясь от себя, хочет объяснить весь мир. Ученый, познавая мир, познает самого себя.

— Хвала создателю, мы не ученые, — самодовольно осклабился доктор Гаммерфилд.

— Кто же вы? — обратился к нему Эрнест.

— Философы.

— Вот именно, — рассмеялся Эрнест. — Вы оторвались от твердой, устойчивой земли и витаете в облаках, а между тем ваш летательный аппарат — это одна словесность. Но, может быть, вы спусти-

тесь на землю и скажете мне, только поточнее, что вы называете философией?

— Философия — это... — доктор Гаммерфилд откашлялся, — это нечто, что не поддается объяснению и доступно только людям того склада ума, который можно назвать философским. Ограниченный ученый, уткнувшийся в свою пробирку, никогда не поймет, что такое философия.

Но Эрнест презрел этот выпад. Его обычным приемом было бить противника его же оружием, что он теперь и сделал с видом самого братского расположения.

— В таком случае, надеюсь, вы поймете то определение философии, которое я намерен вам предложить. Но только предупреждаю, вам придется либо его опровергнуть, либо сложить оружие и отныне оставаться метафизиком про себя. Философия — это всего лишь наиболее объемлющая из наук. По своему методу она нисколько не отличается от любой точной науки, равно как и от всех наук, вместе взятых. Пользуясь этим методом, а именно методом индуктивным, философия объединяет все знания в одну великую науку. По словам Спенсера, данные каждой отдельной науки представляют собой частицу единого знания. Философия же объединяет те познания, которые составляют вклад отдельных наук. Философия есть, таким образом, наука наук, наука в точном смысле слова, если хотите. Ну, что вы скажете о моем определении?

— Похвально, весьма похвально, — промямлил доктор Гаммерфилд.

Но Эрнест был неумолим.

— Не забывайте, — предостерег он, — что от этого определения не поздоровится вашей метафизике; раз вы его не опровергаете, значит вы побитый метафизик и вам больше не подобает выступать на этом поприще. Придется вам теперь перейти на положение метафизика в отставке или искать изъясна в моих рассуждениях, до тех пор пока вас не осенит счастливая догадка.

Эрнест ждал ответа. Наступило тягостное молчание, особенно томительное для доктора Гаммерфилда. Он, видимо, был даже не столько задет, сколько озадачен. Аргументы Эрнеста, увесистые, как удары кузнечного молота, оглушили его. Прямые и открытые методы спора были ему, очевидно, в новинку. Почтенный доктор жалобно оглядел своих сотрапезников, но ни один не пришел ему на помощь. Я заметила, что папа смеется, закрывшись салфеткой.

— Существует и другой метод дискредитации метафизиков, — продолжал Эрнест, когда поражение доктора Гаммерфилда стало для всех очевидным. — Это судить о них по их делам. Что сделали для человечества метафизики, кроме того, что пичкали его всякими бреднями и выдавали ему свои собственные тени за богов? Развлекали его на все лады? Согласен. Но какую они принесли ощутимую пользу? Они разводили философию — да простится мне неправильное употребление этого слова — по поводу того, что сердце естьместилище страстей, в то время как ученые исследовали законы кровообращения. Они провозглашали, что

голод и чума — это кары небесные, между тем как ученые строили элеваторы и проводили в городах канализацию. Они создавали богов по своему образу и подобию, в то время как ученые строили мосты и прокладывали дороги. Они заявляли, что Земля — пуп Вселенной, а ученые в это время открывали Америку и исследовали пространство в поисках новых звезд и законов, управляющих движением звезд. Словом, метафизики ничего — ровным счетом ничего — не сделали для человечества. По мере того как наука двигалась вперед, метафизики шаг за шагом сдавали свои позиции. Но как только новые научные данные опрокидывали их субъективные теории, они выдумывали новые субъективные теории, предусмотрительно расчистив в них местечко для новооткрытых данных. Этим они и будут пробавляться до скончания века. Метафизики, господа, это шаманы. Разница между вами и эскимосами, чей бог носит оленью шкуру и питается ворванью, — это тысячелетиями накопленный опыт, и только.

— Мысль Аристотеля владычествовала в Европе двенадцать столетий, — напыщенно провозгласил доктор Боллингфорд. — Хотя Аристотель был метафизиком.

Сказав это, он обвел глазами присутствующих, с удовлетворением отмечая сочувственные улыбки и одобрительные кивки.

— Ваш пример неудачен, — возразил Эрнест. — Вы ссылаетесь на самый темный период истории. Он так и называется: «темное Средневековье». Это был период, когда метафизика подавила науку.

Физику она свела к поискам философского камня, химию — к алхимии, астрономию — к астрологии. Ваше «владычество Аристотелевой мысли» — битая карта!

Доктор Боллингфорд явно приуныл. Затем лицо его прояснилось.

— Да, все ужасы, которые вы нам изобразили, бесспорно, имели место. Но согласитесь, что та же метафизика заключала в себе и силы, которые вывели человечество из мрака Средневековья к свету последующих столетий.

— Метафизика тут ни при чем, — отрезал Эрнест.

— Как? — вскричал доктор Гаммерфилд. — Разве умозрительная философия и спекулятивное мышление не породили эру кругосветных путешествий и великих открытий?

Эрнест с улыбкой повернулся к нему:

— Дражайший сэр, вас, помнится, лишили права публичных выступлений. Ведь вы так и не опровергли мое определение философии. Вы теперь у нас на птичьих правах, но так как это участь всех метафизиков, я, так и быть, прощаю вас. Повторяю: не метафизика породила эру великих открытий. Хлеб насущный, шелка, драгоценности, золото, наконец, закрытие сухопутных путей в Индию — вот то, что заставило человека пуститься в плавание к далеким берегам. После падения Константинополя в 1453 году турки закрыли караванные пути, по которым европейские купцы ездили в Индию. Пришлось искать новых путей. Вот чем

было вызвано развитие мореплавания. Вот чем было вызвано и путешествие Колумба. Вы найдете это в любом учебнике истории. А заодно были добыты новые данные о размерах, форме и строении Земли, в результате чего система Птолемея полетела вверх тормашками.

Доктор Гаммерфилд фыркнул.

— Вы не согласны? — обратился к нему Эрнест. — В чем же, скажите, я не прав?

— Я не согласен, вот и все, — огрызнулся доктор Гаммерфилд. — Эта тема завела бы нас слишком далеко в дебри философии.

— Науке не страшны никакие дебри и никакие дали, — кротко отвечал Эрнест. — Потому-то она и добилась кой-чего. Потому-то она и открыла Америку.

Я не стану описывать весь вечер, хотя для меня нет большей радости, чем вспоминать каждую подробность моего первого знакомства с Эрнестом Эвергардом.

Битва продолжалась все с тем же ожесточением, и наши гости все больше багровели и кипятились, особенно когда Эрнест стал честить их такими словами, как «горе-философы», «очковтиратели» и т. п. И все время он отсылал их к фактам. «Факт, сударь, неопровержимый факт!» — восклицал он торжествующе, уложив противника на обе лопатки. Факты были его оружием. И он засыпал ими противника, загонял в ловушки и ямы, обрушивал на него смертоносный огонь фактов.

— Вы, очевидно, молитесь фактам, — съязвил доктор Гаммерфилд.

— Нет бога, кроме факта, и мистер Эвергард — пророк его, — вторил ему доктор Боллингфорд.

Эрнест весело кивнул в знак согласия.

— Я как тот техасец, — сказал он и, заметив, что от него ждут разъяснений, продолжал: — Уроженец штата Миссури всегда скажет вам: «Не поверю, пока сам не увижу»; техасец же скажет: «Не поверю, пока не подержу в руках». Из чего следует, что он отнюдь не метафизик.

В другой раз, когда Эрнест сказал, что метафизиками утрачен критерий истины, на него насел доктор Гаммерфилд.

— Так что же является критерием истины, молодой человек? Может быть, вы нам скажете? Кстати, на этот вопрос не могли ответить и более мудрые головы.

— Вот то-то и есть, что не могли! — подхватил Эрнест. Его несокрушимая самоуверенность бесила их больше всего. — Эти мудрецы потому не нашли критерия истины, что искали его где-то в эмпириях. Если бы они держались твердой земли, они не только нашли бы его без труда, но и увидели бы, что каждое их действие, каждая мысль являются проверкой истины.

— К делу, к делу! — кипятился доктор Гаммерфилд. — Мы обойдемся без предисловий. Вы обещали возвестить нам критерий истины, который мы так долго искали. Просветите же нас, дабы мы уподобились богам.

Открытый вызов и глумление в его словах и тоне, по-видимому, находили отклик в сердцах слу-

шателей, и только епископу Морхаузу было явно не по себе.

— Доктор Джордан¹ определил критерий истины очень точно, — сказал Эрнест. — Он учил: «Проверяйте его в действии. Годится только то, чему вы без страха доверили бы свою жизнь!»

— Пффа! — Доктор Гаммерфилд насмешливо улыбался. — А епископ Беркли?² Его еще никто не опроверг!

— Король метафизиков! — рассмеялся Эрнест. — Ваш пример неудачен. Беркли и сам не доверял своей метафизике.

Доктор Гаммерфилд пришел в негодование, в священное негодование. Можно было подумать, что он изобличил Эрнеста в воровстве или во лжи.

— Молодой человек, — загремел он. — Ваше утверждение так же возмутительно, как и все, что нам пришлось здесь выслушать. Это низкое и необоснованное утверждение.

— Я уничтожен, убит! — покорно отозвался Эрнест. — Но я хотел бы знать, какой кирпич свалился мне на голову. Нельзя ли поддержать его в руках, доктор Гаммерфилд?

— Извольте, извольте! — Доктор Гаммерфилд отчаянно брызгал слюной. — Откуда вы это взяли? Где это сказано, будто бы епископ Беркли сам

¹ Видный научный деятель конца XIX и начала XX века. Был ректором Стенфордского университета, основанного на частные средства.

² Родоначальник идеалистического монизма; его учение, полностью отрицающее материю, ставило в тупик философов того времени. Окончательно отвергнуто философией с тех пор, как в ней восторжествовал метод обобщения данных научного опыта.

признавал, что его метафизика порочна? Какие у вас доказательства? Молодой человек, метафизика епископа Беркли живет в веках!

— Доказательство того, что Беркли не доверял своей метафизике, я усматриваю в следующем: Беркли, входя в комнату, всегда и неизменно пользовался дверью, а не лез напролом через стену. Беркли, дорожа своей жизнью и предпочитая действовать наверняка, налегал на хлеб и на масло, не говоря уже о ростбифе. Когда Беркли брился, он обращался к помощи бритвы, ибо на опыте убедился, что она начисто снимает щетину с его лица.

— Но это дела житейские! — воскликнул доктор Гаммерфилд. — Метафизика же ведает сверхчувственным миром.

— Так, значит, метафизика надежный кормчий в сверхчувственном мире? — вкрадчиво спросил Эрнест.

Доктор Гаммерфилд усиленно закивал головой.

— Что же, и сонмы ангелов могут отплясывать на острие иголки — в сверхчувственном мире, — вслух размышлял Эрнест. — И питающийся ворванью, одетый в моржовую шкуру эскимосский божок имеет все права на существование — в сверхчувственном мире. Там это, пожалуй, не встретит никаких возражений. А сами вы, доктор, тоже живете в сверхчувственном мире?

— «Мой разум — мир, где я живу», — отвечал доктор.

— Вы хотите сказать, что вы чужды всему земному, но к обеду вы, разумеется, не забываете спус-

таться на землю. И от землетрясения тоже не ищите укрытия в облаках. Кстати, вы не боитесь, доктор, что, случись у нас землетрясение, вас может основательно хватить по вашей нематериальной макушке таким увесистым нематериальным кирпичом?

Доктор Гаммерфилд невольно поднес руку к затылку, где еще можно было разглядеть заросший волосами шрам. Эрнест неожиданно попал в точку. Во время Великого землетрясения¹ доктора Гаммерфилда чуть не убило кирпичной трубой. За столом поднялся дружный хохот.

— Так как же? — продолжал Эрнест, когда оживление улеглось. — Я жду ваших возражений.

Все молчали, и он снова сказал:

— Я жду. — А затем добавил: — Что ж, и это аргумент, но только не в вашу пользу.

Доктор Гаммерфилд временно выбыл из строя, и вскоре спор перекинулся в другую область. Пункт за пунктом Эрнест разбивал доводы церковников. Когда они заявляли, что знают рабочих, Эрнест доказывал, что им не знакомы простейшие, азбучные истины о положении рабочего класса, и требовал, чтобы они его опровергли. И все время он забрасывал их фактами, напоминал о фактах, возвращал к фактам и реальной действительности.

Эта сцена неизгладимо живет в моей памяти. Голос Эрнеста с его столь знакомыми мне металлическими нотками и сейчас еще звучит в моих

¹ Так называли землетрясение, разрушившее город Сан-Франциско в 1906 году хр. эры.

ушах, и каждый факт, которым он разит своих противников, кажется мне метким ударом гибкого, жалеющего бича. Эрнест был безжалостен. Он не просил пощады¹ и сам никого не щадил. Особенно памятна мне взбучка, которую он задал нашим гостям под самый конец.

— Сегодня вы не раз доказали, что не знаете рабочих; некоторые из вас заявляли это прямо, за других говорило невежество их ответов. Впрочем, вас трудно и винить, — где уж вам знать рабочих! Вы не живете с ними, вы предпочитаете селиться в кварталах богачей. Да почему бы и нет? Ведь богачи и содержат, и кормят вас, и обряжают вот в эту самую добротную одежду, в которой вы сегодня пожаловали сюда. Ну и вы, чтобы не остаться в долгу, расхваливаете ту марку метафизики, которая им всего более по душе. А известно, какая марка философии и религии по душе капиталистам: та, которая не угрожает существующему строю.

Ответом на эти слова был ропот возмущения.

— Я не обвиняю вас в двоедушии, — продолжал Эрнест. — Вы и в самом деле так чувствуете. Вы проповедуете то, во что верите. Этим-то вы и дороги капиталистам, в этом ваша сила. Но стоит вам изменить свой образ мыслей и выступить против существующих порядков, как вам немедленно укажут на дверь: такие проповеди неприемлемы

¹ В этом выражении отразился обычай тех времен. Когда один из противников, сцепившихся, подобно диким зверям, в смертельной схватке, складывал оружие, от победителя зависело — умертвить его или оставить ему жизнь.

для ваших хозяев. Признайтесь, ведь подобные случаи бывали¹. Не правда ли?

На этот раз никто не спорил. Все молчаливо согласилось с оратором, и только доктор Гаммерфилд сказал:

— Указывают на дверь тем, кто сбился с пути истинного.

— Называйте как хотите. Сбиться с пути истинного — это и значит проповедовать то, что не показано, — возразил Эрнест и продолжал: — Так вот что я вам скажу. Проповедуйте, что вам положено, и получайте, что вам причитается. Но только, бога ради, оставьте в покое рабочих. Ваше место — в стане их врагов. У вас с рабочими не может быть ничего общего. Ваши руки изнежены оттого, что за вас работают другие. Вон вы какие телеса нагуляли, это от сытой, привольной жизни. — (Доктор Боллингфорд невольно поежился, чувствуя, что все взгляды устремлены на его солидное брюшко, которое, как говорили злые языки, давно уже мешало ему видеть собственные ноги.) — Ваши головы набиты доктринами, полезными для поддержания существующего строя. Вы такие же наемники (преданные наемники, допустим), какими была в свое время швейцарская гвардия². Служите же своим хозяевам верой и правдой, стойте

¹ В те годы немало священников было отлучено от церкви за то, что они проповедовали взгляды, неудобные правящим классам, а особенно такие, которые отражали влияние социалистических идей.

² Наемная дворцовая стража Людовика XVI, французского короля, казненного народом.

на страже их интересов; но не сбивайте с толку рабочих, не обманывайте их своими лжеучениями. Нельзя быть воином двух станов: это прежде всего нечестно. До сих пор рабочий класс обходился без ваших услуг. Поверьте, они ему не понадобятся и в дальнейшем. Напротив, вы не принесете ему ничего, кроме вреда.

Глава вторая

МНЕ И ЕПИСКОПУ МОРХАУЗУ БРОШЕН ВЫЗОВ

Когда гости разошлись, отец упал в кресло и от души расхохотался. С тех пор как мы схоронили матушку, я не видела его таким веселым.

— Ручаюсь, что доктору Гаммерфилду не приходилось еще бывать в такой переделке, — потешался он. — Вот тебе и «учтивости церковных словопрений»! Ты заметила, как этот Эвергард сначала прикинулся овечкой и вдруг обернулся львом рыкающим. А какой дисциплинированный ум! Он мог бы стать прекрасным ученым, только интересы у него направлены не в ту сторону.

Нечего и говорить, что и меня взволновала встреча с Эрнестом Эвергардом. И не только смысл и своеобразная форма его речей, — меня заинтересовал сам человек. В нашем кругу не встречались такие люди. Может быть, поэтому я все еще не помышляла серьезно о замужестве, несмотря на свои двадцать четыре года. Эрнест мне нравился, я должна была себе в этом сознаться. И это говорил мне не ум, не рассудок. Невзирая на его атле-

тическое сложение и шею боксера, я угадывала в нем детски-наивную душу. В неукротимом бунтаре скрывалась нежная, чувствительная натура. Трудно сказать, что внушило мне эти мысли, — вернее всего, их подсказало сердце.

Голос Эрнеста, в котором слышался чистый звон металла, проникал мне в душу. Интонации этого голоса все еще звучали в моих ушах, и мне хотелось снова слышать его, ловить искорки смеха в глазах этого человека, лицо которого, казалось, выражало одну лишь решительность и суровость. Встреча эта пробудила во мне и другие, еще смутные и неопределенные, желания и ощущения. Я, может быть, уже тогда полюбила Эрнеста, хотя эти неясные чувства, вероятно, угасли бы без следа, если бы нам не довелось больше встретиться.

Судьба не допустила этого. Этого не допустило новое увлечение моего отца социологией и задуманная им серия обедов. Отец не был социологом по образованию. Его брак с моей матерью был счастливым союзом, а работа в любимой области — физике — давала ему огромное удовлетворение. Но со смертью матушки в жизни его образовалась пустота, которую старые, привычные занятия не могли заполнить. Отец заинтересовался философией — скорее как любитель, а потом серьезно увлекся социологией и политической экономией. В нем всегда было сильно чувство справедливости, а теперь оно стало его главной страстью: он мечтал об уничтожении несправедливости на земле. Я радовалась его возвращению к деятельной

жизни, не подозревая, чем это может для него кончиться. С энтузиазмом юноши окунулся он в новую для него сферу, нимало не задумываясь над тем, куда это может его привести.

Лабораторные занятия были для отца привычной стихией, и теперь он превратил нашу столовую в своего рода социологическую лабораторию. На его обедах бывали люди всех рангов и сословий — ученые, политики, банкиры, коммерсанты, профессора, профсоюзные деятели, социалисты и анархисты. Отец вызывал своих гостей на беседы и споры, а потом анализировал их взгляды на жизнь и общество.

С Эрнестом он познакомился незадолго до нашего «синедриона». В тот вечер, после ухода гостей, отец рассказал мне, как недавно, проходя по улице, он остановился послушать агитатора, обращавшегося к толпе рабочих. Это и был Эрнест. Впрочем, Эрнест был не только агитатором; он занимал видное положение в социалистической партии, его считали авторитетом в вопросах социалистической философии. Он умел ясно излагать самые сложные вещи и, будучи прирожденным учителем и пропагандистом, не пренебрегал и уличной трибуной, стремясь к распространению среди рабочих экономических знаний.

Заинтересовавшись молодым оратором, отец тут же условился с ним о новой встрече, а затем, как знакомого, пригласил на обед с представителями церкви. И только после обеда он рассказал мне то небольшое, что успел узнать о новом приятеле.

Эрнест родился в рабочей среде, несмотря на то что род его, восходивший к американским пионерам, уже двести с лишним лет как поселился в Америке¹. Десятилетним мальчуганом Эрнест поступил на фабрику, выучился кузнечному делу и работал кузнецом. Он не получил систематического образования, но, занимаясь самостоятельно, изучил даже французский и немецкий языки и теперь перебивался переводами научных и философских книг для небольшого чикагского социалистического издательства. Кое-какие крохи приносили ему его собственные брошюры по вопросам философии и экономики, весьма туго распродававшиеся.

Все это я узнала в тот самый вечер и потом долго не могла уснуть, взволнованная новыми впечатлениями, прислушиваясь к мощному голосу, который не переставал звучать в моих ушах. Я непрестанно думала об Эрнесте и сама пугалась своих мыслей. Этот человек был так не похож на тех, кого я знала, от него веяло незнакомой, суровой силой. Его властность и привлекала и страшила меня, так как, отдавшись вольной игре воображения, я уже рисовала его себе своим возлюбленным, своим мужем. Я часто слышала, что сила в мужчине неотразимо привлекает женщин. Но этот человек был слишком силен. «Нет, нет, — восклицала я, — немыслимо, невозможно!» Но утром я уже опять мечтала о новой встрече с Эрнестом.

¹ В то время между коренным населением США и пришлым элементом проводилось резкое и оскорбительное различие.

Я жаждала вновь увидеть его в горячей схватке с противниками, услышать звон металла в его голосе, наблюдать, с какой уверенностью и силой он расправляется со своими оппонентами, выколачивая из них спесь и самодовольство, как расшатывает их привычные верования и убеждения. Пусть он не знает удержу. Говоря его собственными словами, это «действует», дает результаты. Его стремительность увлекала за собой, она волновала, словно звуки трубы перед атакой.

Прошло несколько дней. За это время я познакомилась с теми книжками Эрнеста, которые нашлись у папы. Писал он так же, как говорил, — ясно и убедительно. Вы могли не соглашаться с ним, но вас невольно восхищала простота и прозрачность его слога. Мысль его работала необыкновенно четко. Это был популяризатор по призванию. Но несмотря на все достоинства изложения, со многим в его писаниях я не могла согласиться. Он слишком подчеркивал то, что называл классовой борьбой, антагонизмом между трудом и капиталом, столкновением интересов.

Папа сообщил мне, посмеиваясь, что доктор Гаммерфилд отозвался об Эрнесте как о «дерзком щенке, который возомнил о себе, начитавшись плохих книжек». Почтенный пастырь наотрез отказался от дальнейших встреч с Эрнестом.

Зато епископ Морхауз проявлял интерес к молодому агитатору и очень хотел еще раз встретиться с ним. «Энергичный юноша, — сказал он отцу, — в нем много жизни, много сил. Но только очень уж он себе верит».

Как-то вечером отец опять привел к нам Эрнеста. Пришел и епископ, и нам подали чай на веранде. Здесь уместно пояснить, что затянувшееся пребывание Эрнеста в нашем городе было вызвано тем, что он слушал в университете специальный курс биологии, а кроме того, прилежно работал над своей книгой «Философия и революция»¹.

До чего же тесной показалась мне наша веранда с появлением на ней Эрнеста! Собственно, он был не такой уж высокий — пять футов девять дюймов, — но все как-то тускло и терялось рядом с ним. Здороваясь со мной, он заметно смутился, и меня удивила застенчивая неуклюжесть его поклона, не вязавшаяся ни с его решительным взглядом, ни с крепким рукопожатием. И опять его глаза смело и уверенно заглянули в мои. На этот раз я прочла в них вопрос, и снова он слишком пристально смотрел на меня.

— Я прочла вашу «Философию рабочего класса», — сказала я.

Глаза Эрнеста потеплели.

— Надеюсь, вы приняли во внимание, что эта книжка рассчитана на определенную аудиторию? — сказал он.

— Да, и как раз поэтому я хочу с вами поспорить, — продолжала я отважно.

— Я тоже хочу с вами поспорить, мистер Эвергард, — вставил епископ Морхауз.

Эрнест слегка пожал плечами и принял из моих рук чашку чая.

¹ В течение трехсотлетнего владычества Железной пяты эта книга неоднократно выходила в подпольных изданиях. Несколько экземпляров ее хранятся в Ардисе, в Национальной библиотеке.

Епископ легким поклоном в мою сторону дал понять, что просит меня говорить первой.

— Вы разжигаете классовую ненависть, — начала я. — Я считаю недостойным и даже преступным такое обращение к самым темным инстинктам рабочего класса, к его ограниченности и жестокости. Классовая ненависть — это чувство антисоциальное, что общего может быть между ней и социализмом?

— Не виновен ни словом, ни помышлением, — возразил Эрнест. — Ни в одной из моих книг нет ни строчки о классовой ненависти.

— Полноте! — воскликнула я с упреком и, достав брошюру, принялась перелистывать ее.

Он спокойно пил чай и с улыбкой поглядывал на меня.

— Вот, страница сто тридцать вторая, — приступила я к чтению. — «На современном этапе общественного развития отношения между классом, покупающим рабочую силу, и классом, продающим ее, принимают характер классовой борьбы».

Я посмотрела на Эрнеста с торжеством.

— Тут ни слова нет о классовой ненависти, — сказал он, улыбаясь.

— Но разве здесь не сказано: классовая борьба?

— Так это же разные вещи, — возразил Эрнест. — Поверьте, мы не разжигаем ненависти. Мы говорим, что классовая борьба — это закон общественного развития. Не мы несем за нее ответственность, не мы ее породили. Мы только исследуем ее законы, как Ньютон исследовал законы земного

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая. МОЙ ОРЕЛ	11
Глава вторая. МНЕ И ЕПИСКОПУ МОРХАУЗУ БРОШЕН ВЫЗОВ	32
Глава третья. РУКА ДЖЕКСОНА	52
Глава четвертая. РАБЫ МАШИНЫ	67
Глава пятая. КЛУБ ФИЛОМАТОВ	78
Глава шестая. ТЕНИ БУДУЩЕГО	106
Глава седьмая. ВИДЕНИЕ ЕПИСКОПА	116
Глава восьмая. РАЗРУШИТЕЛИ МАШИН	125
Глава девятая. МАТЕМАТИЧЕСКАЯ НЕПРЕЛОЖНОСТЬ МЕЧТЫ	146
Глава десятая. ВОДОВорот	168
Глава одиннадцатая. НА ПЕРЕЛОМЕ	181
Глава двенадцатая. ЕПИСКОП	191
Глава тринадцатая. ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА	206
Глава четырнадцатая. НАЧАЛО КОНЦА	218
Глава пятнадцатая. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ	229
Глава шестнадцатая. КОНЕЦ	237
Глава семнадцатая. ЛИВРЕЙНЫЕ ЛАКЕИ	250
Глава восемнадцатая. В ГОРАХ СОНОМЫ	258

Глава девятнадцатая. ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ.....	272
Глава двадцатая. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ОЛИГАРХА	284
Глава двадцать первая. РЕВУЩИЙ ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ ...	294
Глава двадцать вторая. ЧИКАГСКОЕ ВОССТАНИЕ	302
Глава двадцать третья. ОБИТАТЕЛИ БЕЗДНЫ	319
Глава двадцать четвертая. КОШМАР	338
Глава двадцать пятая. ТЕРРОРИСТЫ	346

Лондон Дж.

Л 76 Железная пята : роман / Джек Лондон ; пер. с англ. Р. Гальпериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15321-9

Роман-антиутопия «Железная пята» создан выдающимся американским писателем Джеком Лондоном в 1908 году. Несправедливость устройства общества, одни слои которого могут диктовать правила другим, беззащитным в социальном плане, ощущалась в ту пору особенно остро. Олигархия, захватившая власть, «железной пятой» подавляющая, уничтожающая конкуренцию, подкупившая суд и прессу, представляется писателю главным врагом справедливости. «Власть! — вот слово, равного которому нет в мире. Не Бог, не богатство — власть!» И кажется, как только власть, завоеванная в кровопролитных боях, наконец попадет в нужные руки, наступит эра Братства Людей... Оттуда, из далекого XXVII века и говорит с нами повествователь, комментирующий записки Эвис Каннингем, жившей и любившей в веке двадцатом.

Книга будет интересна самой широкой читательской аудитории.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Елена Шнитникова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.08.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-AKB-23700-01-R